В. В. Ильяшенко Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация

Взаимосвязь экономической теории и политики российского государства

Аннотация. От принятия решений в сфере экономической политики зависит экономическое развитие страны. Статья посвящена исследованию проблемы взаимосвязи экономической теории и государственной политики. Методологическая база исследования основана на теории экономики предложения, монетаристской и кейнсианской теории и их использовании на различных этапах развития постсоветской экономики в России. Методы исследования включают наблюдение и сбор фактов, причинно-следственный анализ статистических показателей, синтез, системный, исторический и логический подходы. Проведен анализ экономического развития страны во взаимосвязи с использованием в политике государства определенных экономических теорий. Дана оценка эффективности реализуемых мер, обоснованы позитивные и негативные последствия экономической политики. Выделены условия, при которых возможно наиболее эффективное использование комплекса экономических теорий в российской практике, а также показано, что они не всегда применялись адекватно сложившейся в стране ситуации. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости применения кейнсианской теории и теории экономики предложения для обеспечения роста российской экономики. Результаты исследования могут служить основой для совершенствования денежно-кредитной, финансовой, внешнеэкономической и социальной политики в России.

Ключевые слова: экономическая политика; экономическое развитие; кейнсианская теория; монетаристская теория; теория экономики предложения; совокупный спрос; инфляция; ключевая ставка.

Для цитирования: Ильяшенко В. В. (2019). Взаимосвязь экономической теории и политики российского государства // Journal of New Economy. Т. 20, № 5. С. 5–22. DOI: 10.29141/2658-5081-2019-20-5-1

Дата поступления: 30 мая 2019 г.

Введение

Развитие страны в значительной степени определяется экономической политикой государства. Основой для ее разработки является выбор направления экономической теории, независимо от того, осознают это работники государственных органов и денежных властей или действуют интуитивно, основываясь на полученных ранее знаниях или практическом опыте. Наибольшее прикладное значение имеют кейнсианская и монетаристская теории, а также теория экономики предложения. Необходимо иметь в виду, что при различных состояниях экономики эффективность использования теорий может отличаться и вести к противоположным результатам в экономическом развитии страны. В одних условиях целесообразно стимулирование совокупного спроса в экономике, включая все его компоненты, или принятие мер, направленных на увеличение совокупного предложения. В другой экономической ситуации полезно ограничение прироста

денежной массы, предложения денег в экономике. Развитие российской экономики в постсоветский период наглядно показывает актуальность и важность взаимосвязи экономической теории и государственной политики.

Цель статьи – обоснование научной и практической значимости использования экономических теорий для разработки финансовой, денежно-кредитной, социальной и внешнеэкономической политики российского государства с учетом экономического состояния страны.

Поставленная в работе цель предполагает решение следующих основных задач:

- обосновать взаимовлияние экономической теории и политики государства в зависимости от конкретных экономических условий;
- проанализировать динамику основных макроэкономических показателей на различных этапах развития российской экономики;
- показать зависимость состояния экономики России от использования основных положений экономических теорий;
- научно обосновать целесообразность совершенствования политики Правительства РФ и Банка России для повышения темпов экономического роста.

Монетаристская теория и российская экономика 1990-х годов

Циклический характер развития экономики предполагает использование целенаправленных государственных мер, обеспечивающих решение основных проблем общества в зависимости от конкретной экономической ситуации. В качестве основы для разработки политики государства может быть принята определенная экономическая теория, а комплексы мер могут существенно различаться.

Переход России в начале 1990-х годов к формированию реальных рыночных отношений обусловил необходимость определения теоретической базы стабилизационной политики. В качестве основы либеральных преобразований в российской экономике была выбрана монетаристская теория, предполагающая сокращение и жесткое ограничение денежной массы в обращении. Один из основных представителей монетаристской теории М. Фридмен [1998, с. 106] утверждал: «Инфляция всегда и везде представляет собой денежное явление, возникающее и сопровождаемое более быстрым ростом денежной массы по сравнению с объемом производства».

В определенной степени монетаристская политика в тот период была оправдана, так как в последние годы существования Советского Союза и в начальный период рыночных преобразований в экономике преобладала инфляция спроса, связанная с избыточным предложением денег. Выбор политики определялся рекомендациями Международного валютного фонда в соответствии с его концепцией, разработанной для развивающихся государств и предполагающей проведение либерализации, приватизации и стабилизации на основе использования жестких рестриктивных методов ограничения денежной массы в обращении.

Однако в качестве исходного звена при реализации этой политики была принята радикальная либерализация цен без создания конкурентной среды до проведения приватизации и при сохранении высокого уровня монополизации экономики. Для плановой экономики СССР в условиях государственной собственности и регулируемых цен создание крупных предприятий было теоретически и практически обоснованным, так как позволяло использовать преимущества положительного эффекта роста масштабов производства, не опасаясь установления высоких монопольных цен. В ситуации начала 1990-х годов либерализация цен вопреки прогнозам руководства страны, утверждавшим, что цены увеличатся в 1,5–2 раза и через полгода стабилизируются, привела к гиперинфляции,

которая, по официальным данным, в 1992 г. составила 2 510 %, а в 1993 г. – 840 %. Реальные располагаемые денежные доходы населения в 1992 г. по сравнению с 1991 г., по данным органов государственной статистики, уменьшились в два раза, а реальная начисленная заработная плата – на треть. Сбережения, накопленные населением в Сберегательном банке, по существу, были ликвидированы в результате гиперинфляции, так как государство их даже частично не компенсировало. В результате проведения жесткой монетаристской политики и значительного сокращения совокупного спроса на основе снижения потребительских, инвестиционных и государственных расходов проблема инфляции спроса была решена, темпы инфляции в 1990-е годы стали снижаться. Однако в общем темпе инфляции стали в большей степени проявляться немонетарные макроэкономические и микроэкономические факторы инфляционных процессов: опережающий рост цен на материальные ресурсы, сохраняющийся высокий уровень монополизации экономики, налоговых и процентных ставок и др. [Ильяшенко, 2006]. Монетарные методы, эффективные при преобладании инфляции спроса, в условиях инфляции издержек объективно являются факторами ее саморазвития в связи с противоречивостью причин инфляционных процессов. Они ведут к дальнейшему спаду производства и увеличению средних издержек. При этом сокращаются инвестиции, растет безработица, усиливается неплатежеспособность предприятий.

В связи с этим возникла очевидная необходимость смены государственной экономической политики с целью качественных изменений в системе антикризисных мер. Тем не менее она сохранила свою инерционность, так как правительство по-прежнему продолжало осуществлять монетаристские меры, которые объективно вели к сокращению совокупного спроса в экономике до уровня, не обеспечивающего даже простого воспроизводства. В результате существенный спад национального производства, сокращение реальных доходов и инвестиций в основной капитал, рост безработицы продолжались до конца 1990-х годов.

Жесткая рестриктивная денежная политика, проводимая Центральным банком Российской Федерации в 1990-е годы, привела к существенному снижению коэффициента монетизации в стране. Если в 1991 г. он составлял 61,2 % и был сопоставим с показателями развитых стран, то в 1995 г. снизился до 12,3 %. Ниже, чем в Российской Федерации, он был только в семи государствах на территории бывшего Советского Союза (Белоруссия – 10,4 %; Грузия – 3,8 %; Казахстан – 8,6 %; Таджикистан – 10,0 %; Туркмения – 7,7 %; Узбекистан – 10,1 %; Украина – 9,5 %), в семи африканских странах (Гвинея – 8,8 %; Заир – 2,8 %; Замбия – 12,2 %; Руанда – 11,3 %; Сьерра Леоне – 8,6 %; Уганда – 9,8 %; Экваториальная Гвинея – 8,6 %) и двух странах Азии (Афганистан – 12,1 %; Камбоджа – 7,8 %)¹.

В результате широкое применение в России в середине 1990-х годов получили бартерные сделки, взаимозачеты, возросли неплатежи, увеличилась задолженность по заработной плате. Распространенной формой платежа стали векселя предприятий. В конце 1995 г. объем товарных векселей в экономике Российской Федерации составлял около половины величины денежного агрегата М2; в 1997 г. он уже в 2,5–3 раза превышал его размер [Рубченко, 2001, с. 36]. После 1997 г. доля денежных суррогатов резко сократилась: с 61 % в 1997 г. до 42 % в 2000 г. и 29 % в среднем за январь–май 2001 г. [Миронов, 2001, с. 50]. Увеличение неплатежей промышленных предприятий и доли бартерных сделок до 1998 г. противоречило самой идее создания эффективной рыночной экономики, предполагающей использование развитых денежных отношений.

¹ Россия и зарубежные страны: сравнение по основным показателям (коэффициент монетизации и скорость денежного обращения) // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 140–151.

На ухудшение ситуации в российской экономике в середине 1990-х годов повлияли также проблемы, связанные с формированием доходов государственного бюджета и конъюнктурой мировых сырьевых рынков. Дефицит государственного бюджета в тот период покрывался в основном из двух источников: кредитов Международного валютного фонда и выпуска государственных краткосрочных облигаций (ГКО). Что касается кредитов МВФ, то они выдаются при соблюдении страной-заемщиком определенных условий. В качестве таких условий, которые ставились перед Россией и не способствовали ее развитию, были, например, отмена экспортных таможенных пошлин, повышение тарифов на коммунальные услуги, передача земли в частную собственность, проведение пенсионной реформы (в аналогичной ситуации находится современная Украина). Другой источник покрытия дефицита (выпуск ГКО в 1994–1998 гг.) означал создание финансовой пирамиды на государственном уровне, так как по этим облигациям выплачивались проценты, намного превышающие проценты по кредитам. Обеспечивалось это средствами, полученными от покупателей следующего выпуска облигаций. При этом очень значительные доходы по ним не были связаны с реальным производительным использованием полученных средств, что означало накопление инфляционного потенциала, который в полной мере проявился после краха финансовой пирамиды в августе 1998 г.

Кроме того, расходы банков и фирм на покупку высокодоходных ГКО сокращали их кредитные ресурсы, которые можно было использовать на частные инвестиции. Государственный внутренний долг в России в 1995–1997 гг. увеличился с 14,7 до 25,4 % ВВП.

Не следует забывать о низких мировых ценах на нефть в 1998 г., от которых, к сожалению, в значительной степени зависят темпы экономического развития в России и доходы государственного бюджета. Так, в 1998 г. мировая цена на российскую нефть снизилась с 15,2 до 10,7 дол. за баррель.

Финансовый кризис и крах пирамиды ГКО в августе 1998 г. убедительно показали неэффективность проводимой в России экономической политики, направленной на борьбу с инфляцией (в тот период она имела явно не монетарный, а затратный характер), и использования так называемых «неинфляционных» источников покрытия дефицита бюджета.

Кроме этого, наглядно проявилась существенная зависимость переходной российской экономики от конъюнктуры мировых цен на топливно-энергетические и сырьевые ресурсы и внешнеэкономических отношений в целом. Правительство России и Центральный банк РФ 17 августа 1998 г. выступили с совместным заявлением об отказе от своевременного погашения ГКО–ОФЗ и реоформлении их в новые облигации с более продолжительным сроком погашения. В сентябре 1998 г. был отменен валютный коридор и введен плавающий валютный курс рубля по отношению к доллару США. В результате произошла существенная девальвация рубля, повысились цены на импортные товары, которые составляли значительный удельный вес на потребительском рынке, а затем и на национальные, хотя и в меньшей степени. Только в сентябре 1998 г. уровень инфляции, по данным статистики, составил 38,4 % и превысил темп инфляции за два предыдущих года (1996–1997 гг.), вместе взятых. Реальные доходы снизились на 29,7 % по сравнению с аналогичным периодом 1997 г. В целом цены на потребительские товары и услуги в 1998 г. повысились на 84,4 %, в том числе на продовольственные товары – на 96 %; на непродовольственные товары – на 99,5 %; на платные услуги населению – на 18,3 %. Реальные располагаемые доходы населения сократились по сравнению с предыдущим годом на 48 %. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума возросла до 44,3 млн чел. и составила 30,1% общей численности населения России [Райская, Сергиенко, Френкель, 2001]. Безработица на 1 января 1999 г. достигла наивысшего уровня – 13,4 %.

Использование кейнсианской теории и теории экономики предложения в экономической политике российского государства в начале 2000-х годов

Финансовый кризис 1998 г. и связанное с ним резкое снижение курса рубля оказали значительное и противоречивое влияние на экономическое положение России. Существенное повышение цен на импортные товары, с одной стороны, привело к росту темпов инфляции и снижению реальных доходов населения, а с другой – способствовало повышению конкурентоспособности отечественной продукции и развитию национального производства. Девальвация рубля и рост мировых цен на нефть и металлы в 1999 г. и начале 2000 г. оказали позитивное влияние на развитие экспортоориентированных и взаимосвязанных с ними отраслей, обеспечили определенный экономический рост. С целью последующих рекомендаций для современной экономической политики следует добавить, что до июня 2007 г. мировая цена нефти марки Brent была ниже, чем в мае 2019 г. Это необходимо, чтобы не переоценивать (в связи с сырьевой направленностью российского экспорта) значение мировых цен на нефть и исключать внутренние факторы развития экономики России для формирования экономической политики государства. Затем цена на нефть стала расти, достигнув в июле 2008 г. максимума (133,90 дол. за баррель) и после этого начала резко снижаться. Наступил экономический кризис 2008–2009 гг.

Главную роль в развитии российской экономики в начале 2000-х годов, по нашему мнению, сыграл переход в экономической политике российского государства от применения рестриктивных монетаристских методов к использованию кейнсианской теории стимулирования совокупного спроса и теории экономики предложения, ориентированной на увеличение совокупного предложения.

Дж. М. Кейнс критически рассматривал односторонний подход к характеристике причин инфляции, при котором уровень цен связывают исключительно со сферой денежного обращения и увеличением предложения денег, не учитывая изменений в предельных издержках и эластичности предложения. Он полагал, что теорию денег нельзя рассматривать обособленно от теории стоимости и распределения, поскольку деньги являются «...связующим звеном между настоящим и будущим» [Кейнс, 1978, с. 368]. Рассматривая роль посткейнсианской школы в развитии макроэкономической теории, П. Дэвидсон [2006, с. 84] отмечал, что Кейнс неоднократно в своих работах утверждал: «...классическая школа применима лишь к случаю полной занятости».

Дж. М. Кейнс считал, что общий уровень цен зависит как от ставок вознаграждения факторов производства, которые определяют величину предельных издержек, так и от масштабов производства, которые при неизменной технике и технологии связаны с объемом занятости. В результате он сделал вывод: до тех пор, пока имеются неиспользованные ресурсы и предложение совершенно эластично, рост количества денег будет содействовать увеличению эффективного спроса и занятости, но не приведет к повышению уровня цен. После того, как полная занятость всех факторов производства будет достигнута, произойдет повышение ставок заработной платы и цен в соответствии с увеличением совокупного спроса в экономике. При этом уровень цен будет повышаться пропорционально росту количества денег.

Дж. М. Кейнс не отрицал возможности повышения цен и в условиях неполной занятости, связывая ее с определенными причинами. Так, убывающая доходность экономических ресурсов влияет на увеличение средних издержек, что может привести к росту цен и при неполной занятости. Поскольку темпы достижения полного использования производственных мощностей на различных предприятиях неравномерны, предложение некоторых товаров становится неэластичным и цены на них растут. Увеличение ставок

заработной платы связано с ростом эффективного спроса и цен на потребительские товары и услуги, что зависит от политики предпринимателей и от деятельности профсоюзов. Однако повышение цен в условиях неполной занятости Кейнс считал полуинфляцией, так как увеличение количества денег в этих условиях ведет к увеличению не только издержек, но и масштабов производства. Это означает, что растет совокупное предложение в экономике, которое влияет на снижение общего уровня цен. Поэтому увеличение денежной массы не обязательно является инфляционным. Что касается истинной инфляции, то она, по мнению Кейнса, возможна только в условиях полной занятости, когда дальнейшее повышение эффективного спроса ведет к пропорциональному росту издержек производства [Кейнс, 1978, с. 377–379].

Сторонники теории экономики предложения критически оценивают кейнсианскую теорию [Mundell, 1965; Meiselman, Laffer, 1975]. Они полагают, что положения кейнсианской теории не могут быть использованы для борьбы со stagflation (одновременным ростом и безработицы, и инфляции), так как она ориентирована на изменение совокупного спроса, но не учитывает влияния издержек производства и совокупного предложения. Следует заметить, что кейнсианская модель макроэкономического равновесия отражала инфляционные процессы своего времени, когда преобладала инфляция спроса. Отсюда и рекомендуемые методы борьбы с данным типом инфляции: сокращение государственных расходов, повышение налогов, увеличение ставки процента, регулирование доходов населения с целью снижения инвестиционного и потребительского спроса.

Теория экономики предложения появилась в 1970-е годы, когда преобладала инфляция издержек. Следовательно, основные антиинфляционные меры должны быть противоположными. В частности, налоговые и процентные ставки должны снижаться, что способствует более полной загрузке производственных мощностей, увеличению выпуска продукции и уменьшению на этой основе средних издержек производства. В условиях кризисного состояния экономики и спада национального производства эти теории действуют в одном направлении, так как целесообразны меры, способствующие увеличению и совокупного спроса, и совокупного предложения.

Кейнсианская теория предполагает принятие государством при высоком уровне безработицы мер, направленных на увеличение совокупного спроса: рост государственных инвестиций, уменьшение налогов и ставки процента. Определяющим фактором экономического роста в кейнсианской модели является инвестиционный спрос, который представляет собой главную компоненту совокупного спроса. В связи с этим именно его стимулирование рассматривается в качестве ключевого элемента государственной политики экономического роста [Теняков, 2016, с. 248].

Теория экономики предложения в данной ситуации ориентирована на аналогичные меры. Кстати, в США в последние десятилетия, когда президентами становятся республиканцы (начиная с Р. Рейгана), именно теория экономики предложения является основой экономической политики администрации. В. К. Кулакова полагает, что президент Д. Трамп, в отличие от Р. Рейгана, в качестве основы для своей политики не использует теорию экономики предложения. Однако с автором трудно согласиться, так как в декабре 2017 г. Д. Трамп подписал закон о налоговой реформе, который, в частности, предусматривал снижение налога на прибыль юридических лиц с 35 до 21 %, введение налоговых вычетов на капитальные затраты и другие меры. Кроме этого, как пишет автор, он стремится «...представить финансовую сферу в качестве саморегулирующейся системы, требующей минимального участия государства» [Кулакова, 2017, с. 57]. Это также подтверждает его приверженность данной теории. В Российской Федерации в 2002 г. была снижена ставка налога на прибыль (до 24 %), в 2004 г. – налога на добавленную стоимость

(до 18 %), в 2005 г. – базовая ставка единого социального налога (до 26 %), отменен налог с продаж. Ставка рефинансирования Центрального банка Российской Федерации с 10 июня 1999 г. была установлена на уровне 55 %, а с 19 июня 2007 г. снижена до 10 %. Это тоже способствовало развитию национальной экономики.

В России в начале 2000-х годов ежегодно наблюдался существенный прирост денежной массы в обращении. Коэффициент монетизации повысился до 31,1% в 2007 г. при ежегодном снижении уровня инфляции (в 1999–2006 гг.) и улучшении основных макроэкономических показателей (табл. 1).

Таблица 1. Темпы прироста основных макроэкономических показателей РФ за 1999–2007 гг., %

Table 1. Growth rates of Russia's main macroeconomic indicators in 1999–2007, %

Год	Денежный агрегат М2	Уровень инфляции	Реальный ВВП	Физический объем инвестиций в основной капитал	Реальные располагаемые денежные доходы населения	Расходы консолидированного бюджета РФ
1	2	3	4	5	6	7
1999	57,2	36,5	6,4	5,3	– 12,0	49,4
2000	62,4	20,2	10,0	17,4	13,4	55,8
2001	40,1	18,6	5,1	11,7	10,1	23,4
2002	32,4	15,1	4,7	2,9	10,8	41,5
2003	50,5	12,0	7,3	12,7	14,6	15,9
2004	35,8	11,7	7,2	16,8	10,7	17,8
2005	38,5	10,9	6,4	10,2	11,7	46,1
2006	48,7	9,0	8,2	17,8	14,1	22,8
2007	43,5	11,9	8,5	23,8	13,1	35,9

Источник: составлено по данным Росстата (гр. 2 и 7 рассчитаны автором)

Развитие экономики России и проблемы экономической политики

Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года¹ с целевыми макроэкономическими индикаторами, которые должны быть достигнуты в течение двух этапов ее реализации (2012 г. к 2007 г. и 2020 г. к 2012 г.). В табл. 2 представлены основные макроэкономические итоговые показатели в 2020 г. по отношению к 2007 г. и фактические данные 2018 г. по сравнению с 2007 г.

Таблица 2. Целевые макроэкономические индикаторы РФ на 2020 г., % к 2007 г.

Table 2. Russia's target macroeconomic indicators for 2020, in % to 2007

Показатель	Концепция–2020	Фактически в 2018 гг. по сравнению с 2007 г.
1	2	3
ВВП	225–229	114,4
Инвестиции в основной капитал	387–413	116,0
Реальные располагаемые денежные доходы населения	251–265	109,4

Источник: составлено по данным распоряжения Правительства РФ от 17 ноября 2008 года №1662-р (гр. 3 рассчитана автором)

¹ URL: <http://www.base.garant.ru>

Как свидетельствуют показатели 2018 г. конечные результаты выполнения Концепции–2020 очевидны за два года до завершения периода ее реализации. Далеки от целевых макроэкономических индикаторов и многие другие показатели. Например, частные и государственные расходы на НИОКР в 2020 г. в соответствии с Концепцией–2020 должны составить 3 % валового внутреннего продукта. Вместе с тем удельный вес внутренних затрат на научные исследования и разработки, который в 2007 г. был равен 1,12 % ВВП, в 2017 г. снизился до 1,11 % ВВП. Практически не изменилась доля средств, направляемых на финансирование науки из федерального бюджета – 0,40 % в 2007 г., 0,41 % в 2017 г. По оценкам Всемирного банка, за 2015–2020 гг. экономика Российской Федерации вырастет на 4,1 %. «Это в 3,5 раза меньше, чем американская (14,1 %), в 3 раза меньше, чем европейская, и в 9 раз меньше, чем китайская (37,9 %). Отставание от скорости роста развивающихся стран в целом (28,7 %) будет семикратным» [Бодрунов, 2019, с. 6].

Конечно, определенную роль в отставании от намеченных показателей сыграли мировой экономический кризис 2008–2009 гг. и санкции развитых стран, введенные против России в связи с присоединением Крыма и ситуацией в Донецкой и Луганской областях Украины. Однако не менее важны внутренние причины невыполнения макроэкономических индикаторов Концепции, связанные, по нашему мнению, с реализацией экономической политики. Как и в 1990-е годы она по-прежнему ориентирована на преимущественное использование монетаристских методов в условиях, при которых их применение не предотвращает, а усиливает негативные тенденции в экономике. Как справедливо отмечал С. Ю. Глазьев [2016], за годы рыночных преобразований «...Китай и другие страны бывшей мировой системы социализма, выбравшие путь прагматичной политики экономического роста, не обремененной теорией монетаризма, многократно увеличили свой экономический потенциал. Россия же, равно как и другие постсоциалистические государства, руководствующиеся монетаристскими представлениями, опустилась в число отсталых стран как по уровню экономического развития, так и по структуре экономики и внешней торговли. Это, однако, не помешало ей занять лидирующие позиции по приросту числа миллиардеров и инвестициям в приобретение элитной недвижимости в Лондоне, считающимся мировым центром транснациональной олигархии».

Отмеченное выше тем более очевидно, что динамика денежного предложения и уровня инфляции в России в основном изменяется в направлении, противоположном утверждениям сторонников монетаристской теории, о чем свидетельствуют данные табл. 3.

Данные табл. 3 показывают: в 1998–2018 гг. только семь лет отмечалась прямая зависимость между динамикой темпов прироста денежной массы и инфляции, что противоречит монетаристской теории. В основном наблюдалась противоположная ситуация: при увеличении темпов прироста денежного агрегата M2 темпы инфляции снижались, и наоборот, в 2010 г. при существенном приросте денежной массы с 17,7 % в предыдущем году до 31,1 % уровень инфляции сохранился прежним – 8,8 %. Следует отметить, что даже экономисты, связанные с деятельностью Банка России, вынуждены признать, что «...в практике современных центральных банков, а также в большинстве теоретических исследований трансмиссионного механизма базовой является неокейнсианская логика». Они объясняют изменения в действии трансмиссионного механизма тем, что, во-первых, «...денежная масса не управляется центральным банком напрямую, а значит, не может рассматриваться как релевантный инструмент ДКП», во-вторых, «...монетарный анализ в отличие от каналов, подчиняющихся неокейнсианской логике, не объясняет причинно-следственных связей между объемами денег в экономике и ценами, что также осложняет его применение для принятия решений» [Борзых, Могилат, 2017, с. 48-49].

**Таблица 3. Динамика денежной массы М2
и темпа инфляции в 1997–2018 гг., % к предыдущему году**
Table 3. Dynamics of monetary supply (M2) and inflation rate in 1997–2018, in % to the previous year

Год	Темп инфляции за период, определяемый по ИПЦ, %	Темп прироста М2 по сравнению с предыдущим годом, %	Прямая (+) и обратная (-) зависимость между изменением темпов прироста инфляции и М2
1	2	3	4
1997	11,0	29,8	+
1998	84,4	19,8	-
1999	36,5	57,2	-
2000	20,2	62,4	-
2001	18,6	40,1	+
2002	15,1	32,4	+
2003	12,0	50,5	-
2004	11,7	35,8	+
2005	10,9	38,5	-
2006	9,0	48,7	-
2007	11,9	43,5	-
2008	13,3	0,8	-
2009	8,8	17,7	-
2010	8,8	31,1	-
2011	6,1	21,0	+
2012	6,6	12,2	-
2013	6,5	14,7	-
2014	11,4	1,5	-
2015	12,9	11,3	+
2016	5,4	9,2	+
2017	2,5	10,5	-
2018	4,3	11,0	+

Источник: составлено по данным Росстата (гр. 3 рассчитана автором)

Обратную зависимость между динамикой темпов прироста денежной массы и инфляции, по нашему мнению, можно связать с двумя основными причинами.

Во-первых, в экономике России преобладает инфляция издержек, когда эффективны антиинфляционные меры, противоположные тем, которые целесообразны при инфляции спроса [Ильяшенко, 2006; Ильяшенко, Куклина, 2017; Ершов, 2016, с. 17; Дмитриева, Ушаков, 2011, с. 45].

Во-вторых, российская экономика не является экономикой полной занятости. В результате неполной загрузки производственных мощностей увеличение объема выпуска продукции сопровождается сокращением средних и предельных издержек. Это ведет к увеличению прибыли при тех же ценах и росту совокупного предложения в экономике, что позитивно влияет на замедление инфляционных процессов. По данным Росстата, уровень загрузки производственных мощностей в производстве машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования в 2017 г. не превышал 47 %; в производстве пищевых продуктов (за исключением сахара) – 76 %; в производстве текстильных изделий – 45 %. Несмотря на приведенные выше цифры, некоторые известные экономисты утверждают: в Российской Федерации существует высокая степень использования производственных мощностей, и выпуск продукции близок к потенциальному уровню [Кудрин, Горюнов, Трунин, 2017, с. 6; Май, 2016, с. 22]. Такой же позиции придерживается и Центральный банк РФ,

который констатирует, что производственные мощности в обрабатывающей промышленности загружены на высоком уровне¹.

Возможно, такая позиция связана с необходимостью обоснования финансовой и денежно-кредитной политики Правительства РФ и Банка России, направленной на преодоление инфляции мерами по ограничению совокупного спроса в экономике. В условиях полного использования ресурсов и высокого уровня загрузки производственных мощностей они действительно были бы целесообразны, но Россия пока не приблизилась к этому уровню.

Следует подчеркнуть, что данные о взаимосвязи динамики темпов прироста денежной массы и уровня инфляции не являются уникальными, характеризуя исключительно своеобразие экономики России. Австрийский и американский экономист Й. Шумпетер, исследуя проблемы экономической динамики, писал: «Мы должны признать, что в теории, отрицающей значение денег, есть рациональное зерно. Прежде всего надо подчеркнуть, что денежная масса, бесспорно, играет гораздо менее важную роль, чем это кажется непосвященным. Ни эмиссия кредитных денег, ни открытие месторождений золота не могут сделать народ богаче. Движением денежных единиц нельзя в конечном счете объяснить никакие существенные экономические явления» [Шумпетер, 1982, с. 344]. Федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг. и западногерманский экономист Л. Эрхард [1993] отмечал: «Между инфляцией и объемом денег, которые находятся в обращении, нет никакой причинной связи, инфляция порождается только тем, что в среднесрочном плане или непосредственно могут возникать доходы от деятельности, которая не приносит реальной пользы экономике». Людвиг фон Мизес [2005, с. 55] писал: «Некоторое время назад экономисты считали, что открыли такую постоянную зависимость между количеством денег и ценами на товары. Утверждалось, что увеличение или уменьшение количества денег в обращении должно приводить к пропорциональным изменениям товарных цен. Современная экономическая наука ясно и неопровержимо показала ошибочность этого утверждения». Например, в США в годы правления президента Р. Рейгана объем денежной массы с 1981 по 1988 г. увеличился на 91,7 % по сравнению с 31 %, который наблюдался в предшествующие восемь лет, т. е. почти в три раза. Однако среднегодовой темп прироста цен уменьшился соответственно с 8,8 до 4,5 %, т. е. почти в два раза [Назаров, 1999, с. 40–41]. Еще убедительнее очень высокие показатели коэффициента монетизации Японии и Китая, где объем М2 выше уровня ВВП в 1,5–2 раза. В этих странах денежная масса в периоды экономического подъема экономики увеличивалась ежегодно на 20–40 %, но при этом происходила дефляция экономики, которая не могла происходить с позиции монетаристской теории [Болотин и др., 2004].

В 2014 г. проблемы обострились из-за существенного снижения мировых цен на нефть, которое продолжилось в 2015 г. в связи с сохранением сырьевой модели российской экономики [Клюев, 2018, с. 35]. В январе 2016 г. мировая цена нефти марки Brent снизилась до минимального уровня – 30,80 дол. за баррель. Как правило, в периоды низких мировых цен на нефть Банк России проводит денежную политику, направленную на девальвацию национальной валюты. В 2014 г. средний курс рубля по отношению к доллару снизился с 33,64 р. в январе до 54,44 р. за дол. в декабре. Центральный банк РФ 10 ноября 2014 г. отказался от поддержания курса рубля и объявил о переходе к плавающему курсу. Возникло ранее не наблюдаемое явление на российском валютном рынке. Если в прежние годы увеличение мировых цен на нефть сопровождалось тенденцией повышения курса рубля, то в последние годы этого не происходит. Так, в декабре 2014 г.

¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 г. и период 2016 и 2017 годов // Вестник Банка России. № 106 (1584) от 1.12.2014. С. 3–39.

цена нефти марки Brent составила 62,16 дол., а в мае 2019 г. увеличилась до 72,88 дол. за баррель. При этом средний курс рубля за 1 дол., который в декабре 2014 г. равнялся 54,14 р., в мае 2019 г. составил 65,03 р., т. е. снизился.

16 декабря 2014 г. в период существенной девальвации рубля на самом высоком уровне (17%) Центральным банком РФ была установлена ключевая ставка процента, которая в данном году повышалась шесть раз. Уровень инфляции в 2014 г. составил 11,4 %, в 2015 г. – 12,9 %. В дальнейшем Банк России, поставив задачу снижения уровня инфляции, хотя и уменьшал ключевую ставку процента, но сохранял ее на достаточно высоком уровне по сравнению с темпом инфляции. С 17 декабря 2018 г. она была повышена на 0,25 процентных пункта и установлена на уровне 7,75 %. С 17 июня 2019 г. она впервые была незначительно снижена – до 7,5 %. Темпы инфляции в Российской Федерации в результате сдерживания совокупного спроса снизились до 5,4 % в 2016 г., до 2,5 % в 2017 г. и до 4,3 % в 2018 г. В общем темпе инфляции возросла роль факторов инфляции издержек при сокращении ее уровня. Некоторые авторы считают, что уменьшение уровня инфляции может привести к снижению маржинальности банковского бизнеса в результате смягчения денежно-кредитной политики и к снижению ставок по кредитам до уровня 6–7 % [Матовников, 2017, с. 12]. Однако Банк России пока не перешел к такой политике, хотя 14 июня 2019 г. впервые за год незначительно снизил ключевую ставку процента с 7,75 % до 7,5 %. Поэтому ставки по кредитам коммерческих банков сохраняются на значительно более высоком уровне: в декабре 2018 г. средневзвешенная ставка по кредитам, предоставленным нефинансовым организациям, составила 9,24 %.

Снижение уровня инфляции на основе мер по сдерживанию совокупного спроса в экономике России выявило негативные тенденции. Так, по данным Росстата, реальные располагаемые денежные доходы населения в 2015 г. по сравнению с 2014 г. сократились на 3,2 %, физический объем инвестиций в основной капитал – на 10,1 %, физический объем ВВП – на 2,3 %. Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума повысилась с 11,2 % в 2014 г. до 13,3 % в 2015 г. В последующие годы основные макроэкономические показатели несколько улучшились. Так, физический объем ВВП в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился на 0,3 %, в 2017 г. – на 1,6 %, в 2018 г. – на 2,3 %. Однако эти показатели ниже среднемировых. Кроме этого, например, в 2018 г., когда, по данным Росстата, были самые высокие за последние годы темпы прироста ВВП, по сравнению с 2017 г. наиболее высокие темпы прироста валовой добавленной стоимости в сопоставимых ценах наблюдались в финансовой и страховой деятельности – 6,2 %, в строительстве – 4,7 % и в добыче полезных ископаемых – 3,9 %. В обрабатывающих производствах прирост валовой добавленной стоимости составил только 1,6 %. Аналогичная ситуация складывается и в отношении инвестиций. В 2016 г. по сравнению с предыдущим годом в сопоставимых ценах инвестиции в основной капитал снизились на 0,2 %, в 2017 г. возросли на 4,8 %, в 2018 г. – на 4,3 %. Однако в 2018 г. высокими темпами прироста инвестиций были в административной деятельности – 44,9 %, в строительстве зданий – 33,4 %, в добыче металлических руд – 30,2 %. В производстве компьютеров, электронных и оптических изделий они сократились на 2,6 %, а в производстве электрического оборудования прирост составил только 0,1 %, что не способствует неоиндустриализации экономики. В уровне жизни населения позитивных изменений в последние годы не произошло. Так, реальные располагаемые денежные доходы населения в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом снизились на 5,8 %, в 2017 г. – на 1,2 %, в 2018 г. впервые за последние годы они увеличились, но только на 0,1 %.

Следует отметить и ухудшение финансового положения предприятий. Кредиторская задолженность организаций (без субъектов малого предпринимательства) увеличилась с

13 353 млрд р. на конец 2008 г. до 49 229 млрд р. на конец 2018 г. (в 3,7 раза при повышении уровня инфляции за этот период в два раза), т. е. реально существенно возросла. Некоторые авторы считают, что «...даже в отсутствие кризиса большие размеры частного долга могут усиливать дефляционные тенденции, так как заемщики с высоким уровнем задолженности в конечном счете резко сокращают свое потребление и инвестиции» [Хесин, 2017, с. 12]. С этим утверждением можно согласиться, только речь, видимо, идет о дезинфляционных тенденциях, так как дефляция в России и развитых странах в последние годы не наблюдалась.

Как справедливо полагают Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова [2019, с. 8], в относительно невысоких темпах развития российской экономики в последние годы «...не последнюю роль играют бездейственная экономическая политика правительства и неправильная расстановка приоритетов, недостаточный учет факторов экономического роста». Вместе с тем мы полагаем, что главной причиной низких темпов прироста основных макроэкономических показателей или их снижения в России является приоритетное использование монетаристской теории в экономической политике и принятие Банком России и Правительством РФ мер, связанных с замедлением темпов роста совокупного спроса. Это отражается, как отмечалось, в денежно-кредитной политике Центрального банка РФ, связанной с использованием высокой ключевой ставки процента. Один из создателей неокейнсианской теории динамики Р. Харрод [1997, с. 129, 131] отмечал, что понижение процентной ставки служит «...необходимым условием развития экономики темпами, соответствующими ее потенциальным возможностям». Поэтому планомерное сокращение процентной ставки он считал делом первостепенной важности. На сокращение совокупного спроса объективно воздействует и увеличение Правительством РФ ставки налога на добавленную стоимость с 18 до 20 % с 1 января 2019 г. По нашему мнению, целесообразнее было бы ввести, как во всех развитых странах, прогрессивную шкалу налога на доходы физических лиц, освободив от него население с низкими доходами и повысив ставки налога для тех, кто имеет очень высокие доходы. Сторонник кейнсианской теории Э. Хансен [1997b, с. 382] отмечал: «Неравенство в распределении дохода имеет тенденцию понижать функцию потребления. В той мере, в какой повышается доля национального дохода, притекающая к семьям с более низкими доходами (т. е. к семьям, расходующим значительную долю своего дохода), общая сумма расходов на частное потребление при данном уровне дохода будет расти».

Анализ развития российской экономики за постсоветский период с учетом опыта других стран позволяет сделать вывод: монетаристская теория в качестве основы экономической политики может быть эффективна в условиях полной занятости ресурсов и инфляции спроса, чего в России в настоящее время не наблюдается. Еще менее реалистична с точки зрения использования в экономической политике российского государства теория рациональных ожиданий, которая представляет другое направление неоклассической макроэкономической теории [Sargent, 1982; Lucas, 2000]. Она исходит из предположений, что современные рынки являются конкурентными и субъекты рыночных отношений могут точно предвидеть изменения в экономике и приспособиться к ним. Причиной инфляции, согласно этой теории, как и у монетаристов, становится изменение количества денег в обращении. График совокупного предложения в экономике является совершенно неэластичным не только в долгосрочном, но и в краткосрочном периоде, т. е. представляет собой вертикальную линию, соответствующую естественному уровню реального объема национального производств. В практическом плане с этим трудно согласиться, так как это, по существу, означает, что реально экономика не развивается ни в краткосрочном, ни в долгосрочном периодах. Увеличение совокупного спроса, по

мнению сторонников данной теории, не приведет к росту реального объема национального производства, а отразится только на повышении уровня цен. Ожидаемые экономическими агентами изменения в экономической политике не повлияют на величину реального объема производства. В связи с этим отрицается необходимость стабилизационной финансовой и кредитно-денежной политики государства, что противоречит ее реальному существенному влиянию на экономические процессы в различных странах.

В настоящее время многие центральные банки и другие экономические организации используют DSGE-модели – динамические стохастические модели общего равновесия (dynamic stochastic general equilibrium models) [Зарецкий, 2012; Крепцев, Селезнев, 2016; Diebold, Schorfheide, Shin, 2016]. Основой многих современных DSGE-моделей является теория рациональных ожиданий. В моделях анализируются рынки монополистической конкуренции и предполагается жесткость номинальных цен и заработных плат, что не отражает объективных экономических процессов. В DSGE-моделях на микроэкономическом уровне рассматриваются предпочтения экономических агентов и те ограничения, которые влияют на их деятельность. Вместе с тем объемные DSGE-модели включают анализ поведения экономических властей в процессе реализации монетарной и фискальной политики, а также агентов экономики, формирующих внешний спрос [Зарецкий, 2012, с. 2, 3].

Проведя анализ, автор отмечает, что параметры DSGE-моделей могут определяться с помощью экспертных оценок и эконометрических методов, однако по поводу эффективности этих методов среди ученых нет единого мнения [Зарецкий, 2012, с. 15]. Некоторые авторы [Крепцев, Селезнев, 2016] связывают DSGE-модель с динамикой основных макроэкономических показателей в России, анализируя период 2003–2015 гг. При этом они признают, что им «...неизвестны примеры их регулярного использования на практике для эмпирического моделирования и прогнозирования в российской экономике». Авторы утверждают: «...модель с режимом фиксированного курса по большинству критериев предпочтительнее модели с плавающим курсом» (хотя и анализируют модель с плавающим курсом), не вводят в нее капитал, хотя это один из основных производительных факторов производства, весь экспорт считают нефтяным, что тоже не делает модель более реалистичной [Крепцев, Селезнев, 2016].

Мы полагаем, что современная экономическая ситуация в России объективно предполагает необходимость использования в экономической политике государства кейнсианской теории стимулирования совокупного спроса и теории экономики предложения в сфере налогообложения, денежного обращения и создании льготных условий для развития малого бизнеса с целью увеличения темпов экономического роста, обеспечения новой индустриализации и инновационного развития, повышения уровня жизни населения.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлена существенная взаимосвязь экономической политики государства и экономической теории, которая принята за основу для ее формирования. Анализ основных макроэкономических индикаторов Российской Федерации показал, что использование монетаристской теории в условиях неполной загрузки производственных мощностей в 1990-е годы привел к значительному спаду национального производства, снижению уровня жизни населения и другим негативным последствиям.

Вместе с тем переход к преимущественной реализации кейнсианской теории и основных положений теории экономики предложения в денежно-кредитной и финансовой политике обусловил существенные позитивные изменения в России в начале

2000-х годов. Следовательно, в современной российской экономике целесообразно использование этих теорий для ускорения темпов экономического роста страны.

Источники

- Бодрунов С. Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20. № 1. С. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1
- Болотин Б. М., Бузгалин А. В., Глазьев С. Ю., Глинкина С. П., Гохберг Л. М., Дерябина М. А., Чернявский А. Л. (2004). Обучение рынку / под ред С. Ю. Глазьева. М.: Экономика. 639 с.
- Борзых О. А., Могилат А. Н. (2017). Монетарный анализ: альтернативный взгляд на трансмиссионный механизм в российской экономике // Деньги и кредит. № 9. С. 48–54.
- Глазьев С. Ю. (2016). Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир. 640 с.
- Дмитриева О., Ушаков Д. (2011). Инфляция спроса и инфляция издержек: причины формирования и формы распространения // Вопросы экономики. № 3. С. 40–52.
- Дэвидсон П. (2006). Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. № 8. С. 82–101.
- Ершов М. В. (2016). Денежно-кредитная политика: остается немало вопросов // Вестник Финансового университета. № 1(91). С. 15–19.
- Зарецкий А. (2012). Методология построения, разрешения и оценки параметров DSGE-моделей. URL: www.research.by/webroot/delivery/files/wp2012r05.pdf
- Ильяшенко В. В. (2006). Макроэкономические и микроэкономические аспекты инфляции в трансформируемой экономике России. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 342 с.
- Ильяшенко В. В., Куклина Л. Н. (2017). Инфляция в современной России: теоретические основы, особенности проявления и региональный аспект // Экономика региона. Т. 13, вып. 2. С. 434–445. DOI: 10.17059/2017-2-9
- Кейнс Дж. М. (1978). Общая теория занятости, процента и денег: пер. с англ. М.: Прогресс. 1650 с.
- Клюев Ю. Б. (2018). Цели и средства экономического развития России в контексте перехода к шестому технологическому укладу // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 19, № 6. С. 33–50. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-6-3
- Крепцев Д., Селезнев С. (2016). DSGE-модели российской экономики с малым количеством уравнений: серия докладов об экономических исследованиях. № 12. Май. URL: www.cbr.ru/Content/Document/File/16728/wps_12.pdf
- Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. (2017). Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. № 5. С. 5–28.
- Кулакова В. К. (2017). Финансовое регулирование в США при новом президенте Д. Трампе // Деньги и кредит. № 10. С. 57–63.
- Матовников М. Ю. (2017). Вызовы дезинфляции для банковской системы (точка зрения) // Деньги и кредит. № 8. С. 12–17.
- Мау В. (2016). Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. № 2. С. 5–33.
- Мизес Л. фон. (2005). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. Челябинск: Социум. 878 с.
- Миронов В. (2001). Об угрозах мнимых и реальных // Эксперт. № 29. С. 50.
- Назаров В. (1999). Возможности и пределы неинфляционной эмиссии денег в России // Экономист. № 6. С. 37–48.
- Райская Н. Н., Сергиенко Я. В., Френкель А. А. (2001). Инфляционные процессы в России (1992–1999 гг.): тенденции, факторы // Экономическая наука современной России. № 1. С. 16–33.
- Рубченко М. (2001). А ведь предупреждали // Эксперт. № 25. С. 36–37.
- Силин Я. П., Анимидза Е. Г., Новикова Н. В. (2019). Теории экономического роста и экономического цикла в исследовании региональных процессов новой индустриализации // Journal of New Economy. Т. 20, № 2. С. 5–29. DOI: 10.29141/20731019-2019-20-2-1

- Теняков И. М. (2016). Развитие основных подходов в теории экономического роста // Журнал экономической теории. № 3. С. 245–252.
- Фридмен М. (1998). Если бы деньги заговорили. М.: Дело. 160 с.
- Хансен Э. (1997а). Экономические циклы и национальный доход. Ч. I–II // Классики кейнсианства: в 2 т. М.: Экономика. 416 с.
- Хансен Э. (1997б). Экономические циклы и национальный доход. Ч. III–IV // Классики кейнсианства: в 2 т. Т. 2. М.: Экономика.
- Харрод Р. (1997). К теории экономической динамики // Классики кейнсианства: в 2 т. Т. 1. М.: Экономика.
- Хесин Е. С. (2017). Управление инфляцией: движущие силы перемен // Деньги и кредит. № 12. С. 9–14.
- Шумпетер Й. (1982). Теория экономического развития / пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко. М.: Прогресс. 456 с.
- Эрхард Л. (1993). Полвека размышлений. М.: Руссико-Ордынка. 608 с.
- Diebold F. X., Schorfheide F., Shin M. (2017). Real-time forecast evaluation of DSGE models with stochastic-volatility. *Journal of Econometrics*, vol. 201, issue 2, pp. 322–332. DOI: 10.1016/j.jeconom.2017.08.011
- Lucas R. (2000). Inflation in the theory of public finance. *Swedish Journal of Economics*, no. 75, pp. 67–82.
- Meiselman D., Laffer A. (1975). *The phenomenon of worldwide inflation*. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 218 p.
- Mundell R. (1965). *The international monetary system: Conflict and reform*. Montreal: Private Planning Association of Canada.
- Sargent T. (1982). The ends of four big inflations. In: Hall R. *Inflation: Causes and effects*. Chicago University Press., pp. 41–97.

Информация об авторе

Ильяшенко Владимир Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики Уральского государственного экономического университета, 620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: +7 (343) 221-27-52, e-mail: ivv@usue.ru

...

Vladimir V. Ilyashenko Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

Interrelation of economic theory and the policy of the Russian state

Abstract. The paper studies the relationship between economic theory and public policy. The relevance of this problem is in no doubt, because national economic development depends on the decision-making in the field of economic policy. The paper focuses on the use of supply-side economics, monetarist and Keynesian theories at various stages of the Russian post-Soviet economy development. These economic theories constitute the methodological basis of the research. The methods applied in the course of the study include observation and collection of

facts; causal analysis; synthesis; systems, historical and logical approaches. The paper analyses Russia's economic development at its different stages in the context of certain economic theories used in the public policy. The author assesses the efficiency of the implemented measures, substantiates the positive and negative consequences of economic policy, and identifies the conditions for the most effective use of various economic theories in Russian practice, as well as demonstrates that it has not always been adequate to the situation in the country. The theoretical and practical significance of the study is that it justifies the need to apply the Keynesian theory and supply-side economics to ensure economic growth in the Russian economy at present. The results of the study can be a basis for improving monetary, financial, foreign economic and social policy in the country.

Keywords: economic policy; economic development; Keynesian theory; monetarist theory; supply-side economics; aggregate demand; inflation; key rate.

For citation: Ilyashenko V. V. (2019). Vzaimosvyaz' ekonomicheskoy teorii i politiki rossiyskogo gosudarstva [Interrelation of economic theory and the policy of the Russian state]. *Journal of New Economy*, vol. 20, no. 5, pp. 5–22. DOI: 10.29141/2658-5081-2019-20-5-1

Received May 30, 2019.

References

- Bodrunov S. D. (2019). Noonomika: kontseptual'nye osnovy novoy paradigmy razvitiya [Noonomics: The conceptual basis of the new development paradigm]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Journal of the Ural State University of Economics*, vol. 20, no. 1, pp. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1 (in Russ.)
- Bolotin B. M., Buzgalin A. V., Glazyev S. Yu., Glinkina S. P., Gokhberg L. M., Deryabina M. A., Chernyavskiy A. L. (2004). *Obuchenie rynku* [Market training]. Moscow: Ekonomika Publ. 639 p. (in Russ.)
- Borzykh O. A., Mogilat A. N. (2017). Monetarnyy analiz: al'ternativnyy vzglyad na transmissionnyy mekhanizm v rossiyskoy ekonomike [Monetary analysis: An alternative view of the transmission mechanism in the Russian economy]. *Dengi i kredit = Money and Credit*, no. 9, pp. 48–54. (in Russ.)
- Glazyev S. Yu. (2016). *Ekonomika budushchego. Est' li u Rossii shans?* [The economy of the future. Does Russia have a chance?]. Moscow: Knizhnyy mir Publ. 640 p. (in Russ.)
- Dmitrieva O., Ushakov D. (2011). Inflyatsiya sprosya i inflyatsiya izderzhok: prichiny formirovaniya i formy rasprostraneniya [Demand and cost inflation: The reasons for the formation and distribution forms]. *Voprosy ekonomiki = The Issues of Economics*, no. 3, pp. 40–52. (in Russ.)
- Davidson P. (2006). Postkeynsianskaya shkola v makroekonomicheskoy teorii [Post Keynesian school in macroeconomic theory]. *Voprosy ekonomiki = The Issues of Economics*, no. 8, pp. 82–101. (in Russ.)
- Ershov M. V. (2016). Denezhno-kreditnaya politika: ostaetsya nemalo voprosov [Monetary policy: Still many questions remain]. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*, no. 1(91), pp. 15–19. (in Russ.)
- Zaretskiy A. (2012). *Metodologiya postroeniya, razresheniya i otsenki parametrov DSGE-modeley* [A methodology for constructing, resolving and evaluating the parameters of DSGE models]. Available at: www.research.by/webroot/delivery/files/wp2012r05.pdf (in Russ.)
- Ilyashenko V. V. (2006). *Makroekonomicheskie i mikroekonomicheskie aspekty inflyatsii v transformiruemoy ekonomike Rossii* [Macroeconomic and microeconomic aspects of inflation in the transforming economy of Russia]. Ekaterinburg: Ural State University of Economics. 342 p. (in Russ.)
- Ilyashenko V. V., Kuklina L. N. (2017). Inflyatsiya v sovremennoy Rossii: teoreticheskie osnovy, osobennosti proyavleniya i regional'nyy aspekt [Inflation in modern Russia: Theoretical foundations, specific features of manifestation and regional dimension]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, vol. 13, issue 2, pp. 434–445. DOI: 10.17059/2017-2-9 (in Russ.)

- Keynes J. M. (1978). *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The general theory of employment, interest and money]. Moscow: Progress Publ. 1650 p. (in Russ.)
- Klyuev Yu. B. (2018). Tseli i sredstva ekonomicheskogo razvitiya Rossii v kontekste perekhoda k shestomu tekhnologicheskomu ukladu [Goals and means of Russia's economic development under the sixth technological wave]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Journal of the Ural State University of Economics*, vol. 19, no. 6, pp. 33–50. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-6-3 (in Russ.)
- Kreptsev D., Seleznev S. (2016). DSGE-modeli rossiyskoy ekonomiki s malym kolichestvom uravneniy [DSGE models of the Russian economy with a small number of equations]. *Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniyakh = A Series of Reports on Economic Research*, no. 12. Available at: www.cbr.ru/Content/Document/File/16728/wps_12.pdf (in Russ.)
- Kudrin A., Goryunov E., Trunin P. (2017). Stimuliruyushchaya denezhno-kreditnaya politika: mify i real'nost' [Stimulating monetary policy: Myths and reality]. *Voprosy ekonomiki = The Issues of Economics*, no. 5, pp. 5–28. (in Russ.)
- Kulakova V. K. (2017). Finansovoe regulirovanie v SShA pri novom prezidente D. Trampe [Financial regulation in the United States under the new President D. Trump]. *Dengi i kredit = Money and Credit*, no. 10, pp. 57–63. (in Russ.)
- Matovnikov M. Yu. (2017). Vyzovy dezinflyatsii dlya bankovskoy sistemy (tochka zreniya) [Disinflation challenges for the banking system (a point of view)]. *Dengi i kredit = Money and Credit*, no. 8, pp. 12–17. (in Russ.)
- Mau V. (2016). Antikrizisnye mery ili strukturnye reformy: ekonomicheskaya politika Rossii v 2015 godu [Crisis measures or structural reforms: The economic policy of Russia in 2015]. *Voprosy ekonomiki = The Issues of Economics*, no. 2, pp. 5–33. (in Russ.)
- Mises L., von. (2005). *Chelovecheskaya deyatelnost': traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human action: A treatise on economics]. Chelyabinsk: Sotsium Publ. 878 p. (in Russ.)
- Mironov V. (2001). Ob ugrozakh mnimyykh i real'nykh [On the imaginary and real threats]. *Ekspert = Expert*, no. 29, p. 50. (in Russ.)
- Nazarov V. (1999). Vozmozhnosti i predely neinflyatsionnoy emissii deneg v Rossii [Possibilities and limits of non-inflationary issue of money in Russia]. *Ekonomist = Economist*, no. 6, pp. 37–48. (in Russ.)
- Rayskaya N. N., Sergienko Ya. V., Frenkel' A. A. (2001). Inflyatsionnye protsessy v Rossii (1992–1999 gg.): tendentsii, faktory [Inflationary processes in Russia (1992–1999): Trends, factors]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii = Economics of Contemporary Russia*, no. 1, pp. 16–33. (in Russ.)
- Rubchenko M. (2001). A ved' preduprezhdali [They were warned]. *Ekspert = Expert*, no. 25, pp. 36–37. (in Russ.)
- Silin Ya. P., Animitsa E. G., Novikova N. V. (2019). Teorii ekonomicheskogo rosta i ekonomicheskogo tsikla v issledovanii regional'nykh protsessov novoy industrializatsii [Theories of economic growth and economic cycles in the research of regional processes of new industrialisation]. *Journal of New Economy*, vol. 20, no. 2, pp. 5–29. DOI: 10.29141/2073-1019-201920-2-1 (in Russ.)
- Tenyakov I. M. (2016). Razvitie osnovnykh podkhodov v teorii ekonomicheskogo rosta [The development of basic approaches in the theory of economic growth]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Russian Journal of Economic Theory*, no. 3, pp. 245–252. (in Russ.)
- Friedman M. (1998). *Esli by dengi zagovorili* [If money could talk]. Moscow: Delo Publ. 160 p. (in Russ.)
- Hansen A. (1997a). Ekonomicheskie tsikly i natsional'nyy dokhod. Ch. I–II [Business cycles and national income. Parts I–II]. In: *Keynesian classics*. Moscow: Ekonomika Publ. 416 p. Vol. 1. (in Russ.)
- Hansen A. (1997b). Ekonomicheskie tsikly i natsional'nyy dokhod. Ch. III–IV [Business cycles and national income. Parts III–IV]. In: *Keynesian classics*. Moscow: Ekonomika Publ. Vol. 2. (in Russ.)
- Harrod R. (1997). K teorii ekonomicheskoy dinamiki [On the theory of economic dynamics]. In: *Keynesian classics*. Moscow: Ekonomika Publ. Vol. 1. (in Russ.)
- Khesin E. S. (2017). Upravlenie inflyatsiyey: dvizhushchie sily peremen [Inflation management: Drivers of change]. *Dengi i kredit = Money and Credit*, no. 12, pp. 9–14. (in Russ.)
- Schumpeter J. (1982). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of economic development]. Moscow: Progress Publ. 456 p. (in Russ.)

Eckhart L. (1993). *Polveka razmyshleniy* [Half a century of reflection]. Moscow: Russiko-Ordynka Publ. 608 p. (in Russ.)

Diebold F. X., Schorfheide F., Shin M. (2017). Real-time forecast evaluation of DSGE models with stochastic-volatility. *Journal of Econometrics*, vol. 201, issue 2, pp. 322–332. DOI: 10.1016/j.jeconom.2017.08.011

Lucas R. (2000). Inflation in the theory of public finance. *Swedish Journal of Economics*, no. 75, pp. 67–82.

Meiselman D., Laffer A. (1975). *The phenomenon of worldwide inflation*. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 218 p.

Mundell R. (1965). *The international monetary system: Conflict and reform*. Montreal: Private Planning Association of Canada.

Sargent T. (1982). The ends of four big inflations. In: Hall R. *Inflation: Causes and effects*. Chicago University Press., pp. 41–97.

Information about the author

Vladimir V. Ilyashenko, Dr. Sc. (Econ.), Prof. of Political Economy Dept., Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia
Phone: +7 (343) 221-27-52, e-mail: ivv@usue.ru

© Ильяшенко В. В., 2019